

Евтушенко Евгений

05.02
(N22)

ПОСЛЕ ПУБЛИКАЦИИ В «АиФ»

Аргументы и факты, - 2002, - май (N22) - с. 20

Я не баловень системы

В ПОСЛЕДНЕМ номере «АиФ» напечатана первая часть большого интервью со мной, сделанного вполне добросовестно. Однако врезка к интервью написана явно другой рукой и, по моей догадке, несостоявшимся поэтом, смертельно завидующим той читательской любви, которая выпала на долю поэтов-шестидесятников. Эта зависть и породила лживую легенду о якобы «санкционированной смелости» шестидесятников.

Автор врезки назвал меня «баловнем советской системы», которому позволялось «легкое фрондерство». Так, значит, и мой «Бабий Яр» - против антисемитизма, и «Наследники Сталина» - против возрождения сталинизма, - стихи, которые были после первой публикации запрещены на двадцать с лишним лет, - были «легким фрондерством»? Значит, моя речь в присутствии Хрущева против его грубых нападок на молодых художников, мои протесты против войны в Афганистане, вторжения наших танков в Чехословакию, диссидентских процессов, мое участие как сопредседателя в создании антисталинского общества «Мемориал» вместе с академиком Сахаровым - все это было тоже «легким фрондерством»?

Прочтите мою книгу «Волчий паспорт», где я привожу секретные доно-

сы на меня председателей КГБ В. Семичастного и Ю. Андропова, и вы увидите, каким «баловнем системы» я был, когда секретарь ЦК ВЛКСМ С. Павлов публично сказал обо мне после моего пребывания на военных сборах на Кавказе: «Еще неизвестно, в какую сторону пойдут наши танки, с которых читал стихи Евтушенко». Вот как меня «баловала» система!

Второе: в этой врезке есть фраза: «После краха коммунизма его судьба была легко прогнозируема - вот уже десять лет он живет в США». Так пишут только об эмигрантах. Зачем дезориентировать наших читателей? Я горжусь тем, что я гражданин России, и тем, что для многих читателей мое имя неотделимо от имени той страны, которая вскормила меня. Когда-то я написал: «Моя фамилия - Россия, а Евтушенко - псевдоним». Я преподаю в американских университетах, кстати, как и мои коллеги по искусству - О. Табаков, В. Смехов, но по 4-5 месяцев провожу в России, и в основном в ее глубинке. Так и сейчас пишу вам из Новосибирска, где я должен выступать на открытом уроке для десяти тысяч учащихся школ и где, конечно, буду читать мои стихи. С Россией меня никто не сумел и никогда не сумеет поссорить.

Евгений ЕВТУШЕНКО

НУЖНО И СОХРАНИТЬ НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ, И ОБЪЕДИНИТЬ МИР

Окончание. Начало в № 21

- СЕГОДНЯ западный мир раскололся на два лагеря - на сторонников глобализации и антиглобалистов. На ваш взгляд, кто из них прав?

- Трудно сказать. Я родился за «железным занавесом», я - дитя двух войн, Великой Отечественной и «холодной». Я помню, как мы встречали победу в 45-м. Мы, мальчишки, тогда торговали поштучно папиросами. Это был наш бизнес - жили-то все очень бедно. А 9 мая мы бесплатно раздавали наши запасы, и мороженщицы угощали всех мороженым. Я помню, как кружились в вальсе женщины - патефоны стояли на торцах Красной площади. На них на всех были деревянные танкетки или кирзовые сапоги - туфель не было ни у одной. Как на ступенях Мавзолея сидел безногий инвалид на каталке и пил с французскими летчиками. И тогда казалось, что начнется новая жизнь, что откроются границы. Мы

Америка - это СССР наоборот

испытывали огромную жажду по миру, который у нас украли. Вместо новой жизни началась «холодная война». Но это воспоминание о приоткрывшейся двери осталось, мы почувствовали, как хорошо жить вместе, что может существовать братство людей с разными системами.

Через два года после смерти Сталина я написал:

Границы мне мешают...

Мне неловко не знать Буэнос-Айреса, Нью-Йорка.

Хочу шататься,

сколько надо, Лондоном.

со всеми говорить - пускай на ломаном. Мальчишкой,

на автобусе повисшим, хочу проехать утреним Парижем!

Вот об этом глобализме я мечтал. Я бы хотел, чтобы мы тоже стали частью единой Европы.

- Тогда почему попытка сделать

братство народов рождает такое мощное сопротивление?

- Потому что, когда братство народов превращается в братство корпораций, возникает справедливая тревога. Тревога о том, что начнут стираться грани, исчезнут языки, исчезнет национальная специфика. И этот обезличенный мир перестанет быть интересным людям.

Я говорил американским бизнесменам: «Ну какого черта вы, приехав в Россию, поставили один «Макдоналдс», второй? Лучше бы ваши ребята изучили специфику нашей страны и возродили бы - если вы уж так хотите сделать капиталовложения - сеть наших русских трактиров, испокон веков существовавших здесь. Если весь мир станет похожим на Штаты, куда вы будете ездить туристами?»

Америка - очень молодая нация, и им кажется, что они самые лучшие. А мы разве не думали когда-то, что наш путь - самый лучший? И надо, чтобы весь мир пошел именно по этому пути, и тогда все будет хорошо. У них вообще очень много схожего с нами - такой

СССР наоборот. Если уж называть вещи своими именами, то Америка - последняя сохранившаяся империя. И людей напор этой империи пугает. Но и жить сепаратными клочками, отделенными друг от друга, сегодня тоже невозможно. Нужно найти какое-то очень мудрое сочетание, которое позволило бы и сохранить национальные культуры, и объединить мир.

- В этом мире, где всех пытаются причесать под одну гребенку, понятие «русская душа» еще сохранилось или уже перешло в область мифов?

- Вы русская? И вас мучает этот вопрос? Значит, это одно из доказательств, что русская душа жива. И я задаю себе этот вопрос. Я даже в 91-м году написал такие стихи:

Потеряла Россия в России Россию. Она ищет себя, как иголку в стогу...

...Знаете, у меня есть одно преимущество перед вами - я видел больше, чем вы. И я видел Россию в более надежных ситуациях, из которых она с честью вышла. И это очень важно.

Юлия ШИГАРЕВА

Фото Владимира СВАРЦЕВИЧА